

Научная статья
УДК 347.155.5
doi: 10.17223/22253513/53/11

Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей

Тамара Викторовна Шепель^{1,2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия,

² Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия,
^{1, 2} tomaser@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деликтная и договорная ответственность опекунов и попечителей граждан, не имеющих дееспособности или не обладающих ею в полном объеме (подопечных), перед третьими лицами. Выявлены проблемы гражданского законодательства, обусловленные отсутствием единогообразного правового регулирования ответственности опекунов и попечителей, независимо от основания недееспособности или неполной дееспособности (возраста или состояния психики) подопечных, предлагаются способы их решения. Дан критический анализ судебной практики по спорам об ответственности опекунов и попечителей по договорам подопечных.

Ключевые слова: опекуны, попечители, недееспособность, неполная дееспособность, деликтная и договорная ответственность

Для цитирования: Шепель Т.В. Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 156–171. doi: 10.17223/22253513/53/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/11

Civil liability of guardians and trustees

Tamara V. Shepel^{1,2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation
^{1, 2} tomaser@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is conditioned by the imperfection of norms on civil liability of guardians and custodians; the doctrine has not developed a coherent idea of contractual and tort liability of guardians and custodians. Judicial practice on disputes on contractual liability of guardians and trustees is contradictory.

I. Civil liability of guardians of incapacitated citizens.

According to the law, guardians are liable for the transactions of minors and are responsible for the harm caused by them. Judicial practice on contractual disputes concerning the recovery of utility payments for the use of residential premises by minor owners or tenants is contradictory. Courts either deny a claim against a guardian with reference to his/her lack of status as a family member; or claims against guardians are satisfied at the expense of the ward's property, but the guardians are not held liable in the form of penalties for late payment, as they did not enter into a contract with a resource supplying organisation on behalf of the owner.

Similar rules are established by law for contractual and tort liability of guardians of adult mental patients who have been recognised as incapable. In disputes on contractual liability, the courts often rule that the debt should be recovered and the guardian should be held liable in the form of penalties. However, the Supreme Court of the Russian Federation in one of the cases rejected the claim precisely because the guardian did not conclude a contract on behalf of the incapacitated person.

II. Civil liability of guardians of citizens with incomplete legal capacity.

The law defines the subjects of civil liability for the actions of minors aged 14 to 18 depending on the type of such liability: they bear contractual liability on their own; when they cause harm, the trustees are held jointly and severally liable. In the doctrine there is an opinion about shared tort liability of trustees, with which we cannot agree.

Adult citizens, limited by the court in their legal capacity, bear independent contractual and tort liability. The doctrine criticises this rule with regard to tort liability.

Thus, the Civil Code of the Russian Federation should provide for a mandatory condition common for guardians of any ward, i.e. the conclusion of a contract by them on behalf of the ward. If the contract was concluded prior to the appointment of a guardian or placement of the incapacitated person in organisations performing guardianship functions, the guardians may be liable for the execution of the contract, but only at the expense of the ward's property. The guardian is not liable under such a contract.

It seems that the distinction in the legal regulation of the tort liability of guardians is unjustified for persons with limited legal capacity due to mental disorder - when they cause harm, guardians, as well as guardians of minors, should be held subsidiary liable. Subsidiary liability of trustees under the contracts of any wards should not arise.

Keywords: guardians, trustees, incapacity, incomplete capacity, tort and contractual liability

For citation: Shepel, T.V. (2024) Civil liability of guardians and trustees. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 156–171. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/11

Необходимость исследования гражданко-правовой ответственности опекунов недееспособных и попечителей граждан, у которых полная дееспособность отсутствует, назрела давно. Это обусловлено, во-первых, схематичностью и противоречивостью норм о ней; отсутствием в гражданском законе единых подходов к правовому регулированию ответственности за причинение вреда подопечными независимо от основания их недееспособности или неполной дееспособности (возраста или состояния психики); нечеткой регламентацией ответственности по договорам названных лиц. Во-вторых, в доктрине отсутствуют работы, которые бы позволяли создать целостное представление о договорной и деликтной ответственности опекунов и попечителей. Как правило, анализ гражданко-правовой ответственности проводится применительно или к подопечным, не достигшим совер-

шеннолетия, или к лицам с психическими расстройствами различной степени. В основном исследования посвящены деликтной ответственности опекунов и попечителей, анализ их договорной ответственности, как правило, отсутствует. Кроме того, многие современные работы ограничиваются комментарием существующих норм или носят поверхностный характер. В-третьих, существует значительный пласт судебной практики по спорам об ответственности опекунов и попечителей, давно испытывающей потребность в ее глубоком обобщении.

Защиту прав и законных интересов граждан, не имеющих дееспособности или не обладающих ею в полном объеме (далее – подопечные), осуществляют их родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом. *К законным представителям* относятся родители или усыновители малолетних детей до 14 лет, при отсутствии родительского попечения – опекуны (ст. 28 ГК РФ, ст. 64 СК РФ). Опекуны являются законными представителями совершеннолетних, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства (ст. 32 ГК РФ).

Защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет осуществляют их родители, усыновители, при отсутствии родительского попечения – попечители (ст. 26 ГК РФ, ст. 64 СК РФ). Попечительство также устанавливается над совершеннолетними лицами, ограниченными в дееспособности (ст. 32 ГК РФ). Названные лица *не являются законными представителями* несовершеннолетних и ограничено дееспособных, поскольку не замещают подопечных, а совершают юридические действия хоть и в их интересах, но от собственного имени. В литературе такая позиция преобладает, однако вместо термина «законное представительство» другой термин, как правило, не предлагается [1. С. 28–32]. В большей степени соответствует закону формулировка, предложенная А.Е. Тарасовой, которая называет родителей или попечителей несовершеннолетних лиц *содействующими в реализации правоспособности и контролирующими их сделки (содействующими лицами)* [2. С. 115–117]. Аналогичное название вполне применимо и к попечителям граждан, ограниченных в дееспособности судом.

Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ, недееспособным или не полностью дееспособным гражданам, помещенным под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации. Однако данное правило противоречит абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК РФ, в котором круг организаций – попечителей, отвечающих за причиненный несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет вред, ограничен, о чем подробнее будет сказано далее.

Регламентация гражданско-правовой ответственности опекунов и попечителей зависит от объема имеющейся у подопечных дееспособности. При

отсутствии дееспособности нарушителя закон предусматривает одни правила об ответственности законных представителей; если же подопечный обладает неполной дееспособностью, правовое регулирование осуществляется иначе. Поэтому вполне логичен отдельный анализ правил о гражданско-правовой ответственности опекунов недееспособных граждан и ответственности попечителей граждан с неполной дееспособностью.

1. Гражданко-правовая ответственность опекунов недееспособных граждан.

1. Закон устанавливает одинаковые правила об ответственности опекунов *малолетних правонарушителей* независимо от того, является она договорной или деликтной. Согласно п. 3 ст. 28 ГК РФ законные представители малолетних несут имущественную ответственность по сделкам малолетнего. Эти же лица отвечают за причиненный подопечными вред (п. 1 ст. 1073 ГК РФ). В соответствии с названными нормами договорную и деликтную ответственность законные представители несут при наличии вины¹.

В литературе детально не обсуждаются проблемы такой ответственности. Однако судебная практика, в частности по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением малолетними собственниками или нанимателями, противоречива, несмотря на, казалось бы, простые правила о *договорной* ответственности их опекунов.

Сложилась определенная судебная практика по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением, находящимся в *собственности* малолетнего. Так, Арбитражный суд Иркутской области рассмотрел дело по иску Иркутского публичного акционерного общества энергетики и электрификации к областному государственному казенному учреждению социального обслуживания «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, г. Ангарск» (далее – Центр) о взыскании основного долга по оплате за отопление и горячее водоснабжение $\frac{1}{2}$ доли жилого помещения, собственником которой являлся подопечный, проживающий в Центре. Решением от 5 апреля 2023 г. по делу № А19-20963/2022 арбитражный суд удовлетворил исковые требования частично, с учетом периода взыскания, по которому срок исковой давности истек.

Свое решение суд мотивировал следующим образом: во-первых, согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащем им на праве собственности» [3], а также ст. 154 Жилищного кодекса РФ, плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме предусматривает плату за содержание и ремонт

¹ Хотя в ГК РФ речь идет только о вине как условии ответственности законных представителей, предполагается наличие и других элементов состава гражданско-правонарушения (противоправность поведения, вред, причинная связь между ними).

жилого помещения; взнос на капитальный ремонт; плату за коммунальные услуги. Во-вторых, обязанности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг за малолетних собственников могут возлагаться на иных лиц, несущих обязанности по содержанию несовершеннолетних и обладающих правом совершать за них сделки (п. 1 ст. 28, п. 2 ст. 32 ГК РФ). Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ, несовершеннолетним гражданам, помещенным под надзор, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации. В-третьих, неиспользование собственниками и иными лицами помещений не является основанием невнесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги (ч. 11 ст. 155 Жилищного кодекса РФ). Иркутская область как субъект Российской Федерации не принимала закона, которым была бы предусмотрена норма об освобождении детей-сирот от платы за жилое помещение в период их временного отсутствия. В-четвертых, в соответствии с ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекун и попечитель обязаны заботиться о переданном им имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов. Исполнение опекуном и попечителем указанных обязанностей осуществляется за счет имущества подопечного. Денежные средства для оплаты долга в период пребывания в Центре у малолетнего собственника имелись, на что неоднократно указывалось в мотивированной части решения [4].

Обращает на себя внимание тот факт, что истец не предъявлял требования об ответственности за просрочку оплаты в виде пени, в судебном решении о взыскании неустойки также ничего не говорится. И это совершенно правильно: во-первых, сам малолетний собственник жилого помещения не является субъектом ни договорной, ни деликтной ответственности; во-вторых, Центр не может нести ответственность по договору на поставку тепловой энергии и горячей воды, так как от имени собственника его не заключал.

Судебная практика по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением, *нанимателем которого является малолетний*, диаметрально противоположна. Так, после смерти близких родственников в 2013 г. Р. 2009 г. р. остался единственным нанимателем квартиры по договору социального найма. Постановлением администрации Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района 2016 г. опекуном малолетнего Р. назначена С., проживающая в городе Москве, с 2016 г. по месту жительства опекуна проживает и подопечный. Управляющая компания ООО «Талнахбыт» предъявила иск к опекуну о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг и пени за просрочку оплаты. Суд отказал в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что, во-первых, опекун не является членом семьи нанимателя, поэтому она не обязана оплачивать коммунальные услуги и не несет солидарную с нанимателем ответственность по обязательствам, вытекающим из договора социального найма (п. 2 ст. 69 Жилищного кодекса РФ). Во-вторых, Р. недееспособен, поэтому, даже если

считать, что он является нанимателем, на него не возлагается обязанность по оплате коммунальных услуг. К тому же он с 02.10.2013 г. не проживает в указанном жилом помещении. *В-третьих*, опекун не является лицом, на которое возлагаются обязанности отвечать по долгам подопечного своим имуществом. Выплата опекунского пособия не предусматривает погашение долгов. Выплата денежных средств на содержание несовершеннолетнего имеет целью непосредственно содержание несовершеннолетнего (одежда, питание), т.е. имеет целевое назначение, и не подлежит расходованию на погашение долгов иных лиц по уплате коммунальных услуг [5]. Аналогичная позиция была высказана в Постановлении Президиума Верховного суда Республики Карелия от 21.12.2016 по делу № 44Г-52/2016 [6].

Такая судебная практика не соответствует закону. При вынесении судебных актов совершенно проигнорирована специфика правоотношений опеки, а статус опекуна ошибочно приравнен к статусу члена семьи нанимателя. Во-первых, опекун, может быть, и не является членом семьи нанимателя, однако он по закону обязан выполнять от имени подопечного его обязанности по договору, в том числе по договору социального найма. Во-вторых, малолетний Р., являясь нанимателем, обладает не только гражданскими правами, но и обязанностями, в том числе по оплате коммунальных услуг по договору социального найма жилого помещения. Другое дело, что исполняет эти обязанности от его имени опекун. *В-третьих*, оплата коммунальных услуг осуществляется не денежными средствами опекуна, а за счет средств подопечного, которые у него имелись.

Аналогичные правила об ответственности опекунов за вред, причиненный *совершеннолетними психически больными, признанными недееспособными*, содержатся в п. 1 ст. 1076 ГК РФ. Правила об их ответственности по сделкам в ГК РФ, к сожалению, отсутствуют, что следует расценивать как законодательный дефект. Они содержатся в п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [7] – опекуны несут ответственность по сделкам, совершенным от имени подопечных.

По спорам о договорной ответственности опекунов психически больных складывается иная судебная практика. Так, суд рассмотрел дело по иску акционерного общества «Мурманэнергосбыт» (АО «МЭС») к государственному областному бюджетному учреждению социального обслуживания населения «Мончегорский дом-интернат для умственно отсталых детей» (далее – Дом-интернат) о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг по отоплению и горячему водоснабжению жилого помещения, находящегося в собственности проживающей в Доме-интернате подопечной, которая достигла совершеннолетия и признана судом недееспособной, а также пени за просрочку платежей. При вынесении решения о взыскании долга суд руководствовался в основном теми же доводами, что были изложены в анализируемом выше решении. Принципиальное отличие данного решения от предыдущих в том, что суд привлек Дом-интернат к ответственности в виде пени. При этом он аргументировал свое решение следующим образом. В соответствии с ч. 14 ст. 155 ЖК РФ (с изменениями от

03.11.2015) лица, несвоевременно внесшие плату за коммунальные услуги, обязаны уплатить кредитору пени в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования ЦБ РФ. Законодательство предусматривает неустойку (пени) в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и *меры имущественной ответственности* за их неисполнение или ненадлежащее исполнение [8]. Однако, как уже было отмечено ранее, опекун не может нести ответственность по договору на оказание коммунальных услуг, так как он его не заключал от имени малолетнего собственника.

В связи с этим интересен еще один пример из судебной практики, в котором, вопреки предшествующим выводам трех судебных инстанций, Верховный суд РФ занял противоположную позицию о невозможности ответственности опекуна именно потому, что он не заключал договор от имени недееспособной. Так, суд рассмотрел дело по иску Банка о возврате кредита и ответственности за его невозврат. Было установлено, что Банк заключил с ответчицей Х. кредитный договор, однако спустя несколько месяцев получил заявление от ее опекуна, согласно которому заемщица уже несколько лет назад признана судом недееспособной, поэтому заключенный ею кредитный договор является ничтожным. Банк обратился в суд с требованием о взыскании с опекуна суммы кредита, так как он должен нести ответственность за вред, причиненный подопечной.

Банк выиграл дело в трех инстанциях, однако Верховный суд РФ отменил судебные акты со ссылкой на то, что «закон не наделяет опекуна правом собственности на имущество подопечных, а ответственность по сделкам они несут только тогда, когда заключали их от имени подопечных [9]. Основания отказа в удовлетворении требования Банка представляются обоснованными. Действительно, недееспособный больной, который не представляет опасности для себя и окружающих, не находится в изоляции от общества, поэтому есть риск заключения им разного рода договоров, которые опекун не может полностью контролировать. Конечно, банк по закону не должен проверять дееспособность заемщика, особенно при получении онлайн-кредита. В таких случаях он как субъект предпринимательской деятельности несет риски негативных последствий заключения подобных договоров. Если же кредитный договор заключается в присутствии заемщика и у работника банка возникли сомнения в его психическом здоровье, желательно предусматривать в договоре в качестве гарантии поручительство или другой способ обеспечения исполнения обязательства.

В литературе обсуждается возможность привлечения к ответственности опекуна по договору, который гражданин заключил до признания его недееспособным, но в момент исполнения уже был признан таковым. Существует мнение, что опекун не должен нести ответственность по такому договору. При обращении с иском контрагента недееспособного лица о возмещении убытков за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ) суд может отказать в иске в связи с отсутствием вины недееспособного лица или невозможностью исполнения (ст. 416

ГК РФ) [10. С. 68]. Принципально соглашаясь с тем, что опекун в указанном случае не должен нести ответственность в виде возмещения убытков или взыскания пени, позволю сделать два уточнения в части оснований отказа в иске. Во-первых, недееспособный исключен из числа субъектов ответственности, поэтому он не виновен всегда, как при заключении им договоров, так и при их исполнении. Отсутствие его вины – это не основание отказа в иске, а проявление особенности его правового статуса. Во-вторых, невозможность исполнения может и не рассматриваться в качестве основания прекращения договорного обязательства, если у недееспособного, нарушившего или не исполнившего договор, есть собственное имущество, за счет которого договор все же может быть исполнен силами опекуна. Мнение о том, что опекун несет ответственность только по сделкам, совершенным им от имени недееспособного, было высказано и в литературе [11. С. 23] и подтверждается судебной практикой.

Расположение норм об ответственности опекуна *по сделкам* недееспособного вследствие психического расстройства только в Законе «Об опеке и попечительстве», а не в самом Гражданском кодексе, следует расценивать как законодательный дефект. Необходимо, по аналогии с ответственностью законных представителей малолетних, предусмотреть в ст. 29 ГК РФ правило об ответственности опекуна по договорам, заключенным им от имени подопечного.

П. Гражданко-правовая ответственность попечителей граждан с неполной дееспособностью.

Закон определяет субъектов гражданко-правовой ответственности за действия *несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет* в зависимости от вида такой ответственности: договорной или деликтной.

В соответствии с п. 1 ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние, по общему правилу, совершают сделки, среди которых преобладают договоры с письменного согласия своих родителей, усыновителей или попечителя. Исключением являются сделки, названные в п. 2 этой же статьи, которые эти лица могут совершать самостоятельно. Логичным было бы правило о самостоятельной ответственности несовершеннолетних только по сделкам, которые они совершали сами. Однако независимо от условий совершения ими сделок действует общее правило об их самостоятельной договорной ответственности, *субсидиарная ответственность родителей или попечителей законом не предусмотрена* (п. 3 ст. 26 ГК РФ).

Некоторая нелогичность названных правил вызвала сложности при разрешении споров о защите прав потребителей, в которых ответчиками выступали несовершеннолетние. Пленум Верховного суда РФ был вынужден дополнить Постановление от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» п. 28 [12], указав в нем, что «наличие письменного согласия родителя, усыновителя или попечителя на заключение несовершеннолетним договора возмездного оказания услуг (например, бытового проката) не является основанием для возложения на

этих лиц имущественной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора несовершеннолетним, за исключением случаев, когда в соответствии со ст. 361 ГК РФ был заключен договор поручительства». В таком разъяснении не было бы особой необходимости, поскольку оно соответствовало п. 3 ст. 26 ГК РФ, если бы не уточнение, сделанное далее: «Вместе с тем родители, усыновители или попечитель могут нести имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда». Понятно, что такое разъяснение было вызвано необходимостью защиты прав и интересов истцов, пострадавших от действий несовершеннолетних контрагентов. Однако его явная поспешность и ошибочность очевидна. В законе не предусмотрен такой вид субсидиарной договорной ответственности родителей, усыновителей или попечителя. Применение по аналогии п. 2 ст. 1074 ГК РФ о субсидиарной деликтной ответственности невозможно. Видимо, не случайно в действующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» подобные правила отсутствуют.

Большинство ученых считают недопустимым установление в законе субсидиарной ответственности по договорам несовершеннолетних [13. С. 243; 14. С. 53], объясняя это различными обстоятельствами. В частности, А.С. Чепцов ссылается на различия в поведении потерпевшего: при причинении ему вреда его поведение «является субъективно безупречным, в отличие от поведения лица, вступающего в договорные отношения с несовершеннолетним. Контрагент последнего должен осознавать, что имеет дело с подростком, который потенциально обладает меньшими возможностями для надлежащего исполнения договора, «меньшей» степенью социальной ответственности, нежели человек взрослый. Физические и юридические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, обязаны по характеру своей деятельности заключать публичные договоры (ст. 426 ГК) с каждым, кто бы к ним ни обратился, и потому лишенные возможности выбора между совершеннолетним и несовершеннолетним контрагентом, действуют на началах риска и должны, заранее прогнозируя возможные убытки, причиненные клиентами-подростками, перекладывать их бремя на всю клиентуру» [15. С. 24–37]. По мнению А.Е. Тарасовой, в сфере договоров и деликтов наблюдается различный характер содействия родителей и попечителей деятельности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. При совершении ребенком сделки они представляют свое согласие, прогнозируя будущие риски и последствия для него, могут одобрить сделку впоследствии или оспорить ее. Таким образом, контроль со стороны содействующих лиц обеспечивается на стадии совершения юридических действий либо после их совершения в силу обратимости последствий. В деликтных же обязательствах вред чаще всего является необратимым последствием,

всегда требующим имущественного возмещения. Такие лица не могут и не должны содействовать ребенку в причинении вреда [2. С. 278].

А.С. Чепцов, признавая факт отсутствия норм о субсидиарной ответственности родителей и попечителей по договорам несовершеннолетнего, в то же время считает, что такая ответственность «является едва ли не единственным способом совместить предписания закона с толкуемым правовым положением», необходимы только соответствующие разъяснения высших судебных инстанций [15. С. 24–27].

Представляется, что в настоящее время нет оснований для возложения на родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетнего договорной субсидиарной ответственности. Во-первых, в гражданском законе не предусмотрен такой вид субсидиарной ответственности. Применение к содействующим лицам по аналогии норм о субсидиарной деликтной ответственности (п. 2 ст. 1074 ГК РФ) недопустимо. Во-вторых, субъекты предпринимательской деятельности, обязанные заключать публичные договоры со всеми и каждым, в том числе с несовершеннолетними, могут использовать различные способы обеспечения исполнения договоров, прежде всего поручительство. Если они ими не воспользовались при заключении договоров, то риски неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров несовершеннолетними должны нести сами предприниматели. В-третьих, несовершеннолетние, обладая имуществом на праве собственности, обязаны содержать его за свой счет. И если у таких собственников возникнет задолженность по договорам, связанным с содержанием своего имущества, то именно они, а не их родители или попечители, должны нести бремя его содержания за свой счет (ст. 210 ГК РФ).

При причинении вреда несовершеннолетними вопрос о характере ответственности попечителей не возникает – она носит субсидиарный характер. В пункте 2 ст. 1074 ГК РФ предусмотрено, что при отсутствии у несовершеннолетнего причинителя вреда доходов или иного имущества, достаточных для его возмещения, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

В литературе названное правило в течение многих лет расценивается как традиционное и почти не подвергается критике. Однако, по мнению А.М. Рабец, такое законодательное решение представляется неоправданным с нравственных позиций, так как вина родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних в создании условий для вредоносного поведения подростков путем их ненадлежащего воспитания остается без должного реагирования со стороны законодателя. Автор считает более справедливым применение в данном случае юридической конструкции долевой ответственности, содержащейся в ч. 2 ст. 1079 ГК РФ [13. С. 244]. Представляется, что долевая ответственность за причиненный несовершеннолетними вред вряд ли будет способствовать с «нравственных позиций» защите интересов потерпевших. Во-первых, при такой ответственности существует большая вероятность невозмещения основной части вреда, если степень

вины родителя или попечителя окажется незначительной, а у виновных несовершеннолетних нет средств или их недостаточно. При привлечении же родителей или попечителей к субсидиарной ответственности возмещение ими вреда происходит полностью или в недостающей части, независимо от степени их вины. Во-вторых, даже если родители или попечители умышленно или с грубой неосторожностью создавали условия для противоправного поведения несовершеннолетних, то, в отличие от субсидиарной, при долевой ответственности они не могут возмещать вред в полном объеме – непосредственным виновным причинителем вреда являются несовершеннолетние.

В законе существует противоречие при определении субъектов ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. В отличие от общих правил п. 4 ст. 35 ГК РФ, где предусмотрен довольно значительный перечень организаций, исполняющих обязанности опекунов или попечителей, в абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК РФ к числу таких организаций отнесены только организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это противоречие следовало бы устранить, указав в п. 4 ст. 35 на ограничение круга соответствующих организаций в случаях, установленных законом.

В соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ *совершеннолетние граждане, ограниченные судом в дееспособности*, несут самостоятельную договорную и деликтную ответственность. Аналогичное правило установлено для лиц, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства в абзаце 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ. Прямо о самостоятельной ответственности за причиненный вред в этом абзаце не сказано, содержится лишь оговорка, что за причиненный вред такие лица несут ответственность в соответствии с настоящим Кодексом. Формулировка закона в этой части представляется нечеткой и расплывчатой, так как не позволяет со всей определенностью ответить на вопрос о возможности субсидиарной ответственности попечителей. Единственная ст. 1077 ГК РФ о самостоятельной ответственности ограниченно дееспособных не указывает в их числе лиц с психическими расстройствами. Это позволило Е.В. Богданову считать ее не приемлемой для такой категории ограниченно дееспособных. К тому же цель ограничения их дееспособности (защита самого психически больного) принципиально отличается от цели ограничения дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или иным образом; пристрастия к азартным играм (защита интересов семьи алкоголика, наркомана, игромана) [16. № 6]. Из-за отсутствия в законе специальной нормы об ответственности ограниченно дееспособных психически больных любой ограниченно дееспособный независимо от оснований ограничения несет самостоятельную гражданско-правовую ответственность. Ограничение дееспособности совершеннолетнего гражданина по действующему законодательству вообще не влияет на ответственность за причинение вреда: не исключает и не изменяет ее. Если такой причинитель вреда был не способен осознавать свои действия в момент причинения вреда по причине

психического расстройства, он освобождается от ответственности независимо от того, был ограничен в дееспособности или нет (п. 1 ст. 1078 ГК РФ).

Психическое заболевание лица, причинившего вред, по действующим нормам гражданского права не является и основанием уменьшения размера возмещения. Согласно ст. 1083 ГК РФ, к таким основаниям относятся грубая неосторожность потерпевшего, вина причинителя и его имущественное положение. Перечень оснований, названных в ст. 1083 ГК РФ, исчерпывающий, возможность его расширительного толкования не предусмотрена. Действующее гражданское законодательство не позволяет уменьшить размер возмещения вреда, причиненного лицом, которое хотя и могло осознавать свои действия, но в силу психического расстройства было не способно оценить их надлежащим образом [17. С. 199].

Предложения о субсидиарной ответственности попечителей ограниченно дееспособных психически больных в литературе высказывались как до закрепления в ГК РФ психического расстройства как основания ограничения дееспособности [17. С. 200], так и после появления новеллы [16; 18. С. 83; 19. С. 146]. Существует мнение и о том, что попечитель должен нести с ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства солидарную ответственность [20. С. 53–60], хотя этот вывод сомнителен.

Ограничение дееспособности лица с психическим расстройством должно быть направлено прежде всего на защиту его интересов. Следовательно, на попечителя этого лица должны возлагаться те же обязанности, что и на попечителя несовершеннолетнего, в том числе и обязанность по надзору за ним. При привлечении такого попечителя к субсидиарной ответственности за причинение вреда противоправность его поведения может проявиться в ненадлежащем надзоре за подопечным. Эффективной правовой формой защиты интересов психически больных, ограниченных в дееспособности, могла бы служить норма о субсидиарной ответственности попечителя за вред, причиненный ими.

Таким образом, в законе прямо закреплено, что законные представители, к которым относятся и опекуны, несут ответственность *за причинение вреда* малолетним и недееспособным вследствие психического расстройства, если в действии (бездействии) таких представителей имеет место состав гражданского правонарушения, в том числе вина. Правила же об их *договорной* ответственности сформулированы недостаточно четко, что приводит к вынесению противоречивых судебных решений. Полагаем, что в ГК РФ необходимо предусмотреть в качестве обязательного условия договорной ответственности опекунов *заключение или договора от имени подопечного*. Если договор был заключен малолетним или недееспособным самостоятельно, то ответственность представителей по таким договорам наступать не должна, риски неблагоприятных имущественных последствий должны возлагаться на контрагентов подопечных. Однако *не следует путать договорные обязанности по содержанию имущества подопечного от ответственности за нарушение этих обязанностей*. Если договор был заключен

до назначения опекуна или помещения недееспособного в организации, выполняющие опекунские функции, то обязанности по исполнению такого договора могут возлагаться на опекуна, но только за счет имущества подопечного. *Ответственность же по такому договору у опекуна не наступает.*

Правила о гражданско-правовой ответственности попечителей различны в зависимости от основания неполной дееспособности и вида ответственности (деликтной или договорной):

1) *при причинении вреда* несовершеннолетним к субсидиарной ответственности привлекаются их родители, усыновители, попечители; совершенолетний гражданин, ограниченный в дееспособности судом, сам отвечает за причиненный вред. Представляется, что различие в правовом регулировании деликтной ответственности неоправданно для ограниченно дееспособных вследствие психического расстройства – при причинении ими вреда попечители также должны привлекаться к субсидиарной ответственности;

2) несовершеннолетние и ограниченно дееспособные граждане несут *самостоятельную договорную ответственность*, в соответствии с законом субсидиарная ответственность родителей и попечителей не наступает.

Список источников

1. Невзгодина Е.Л. Представительство (гражданско-правовой аспект). М., 2007. 552 с.
2. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М. : Волтерс Клювер, 2008. 320 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8.
4. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 5 апреля 2023 г. по делу № А19-20963/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%E2%84%96+%D0%9019-20963%2F2022&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=1026&arbitral-court=&arbitral-judge=#searchResult
5. URL: <https://www.usynovite.ru/experience/case/9/>
6. Постановление Президиума Верховного суда Республики Карелия от 21.12.2016 по делу № 44Г-52/2016. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/443812679>
7. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
8. Решение Ленинского районного суда г. Мурманска от 26 февраля 2019 года // Министерство труда и социального развития Мурманской области. Судебная практика органов опеки и попечительства. URL: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/opeka-i-popechitelstvo-v-otnoshenii-sovershennoletnikh-grazhdan/rezulaty-deyatelnosti/sudpraktika.php>
9. Определение ВС РФ № 45-КГ 20-20-К7 // Юридические тонкости (Телеграм-канал юриста).
10. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 64–71.

11. Татаринцева Е.А. Договор об осуществлении опеки (попечительства) как основание возникновения правоотношений по воспитанию ребенка в семье // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 21–25.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 2 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 г. № 7 “О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей” (с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума от 25 апреля 1995 г. № 6 и от 25 октября 1996 г. № 10)». Утратило силу. URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=11205&page=6>
13. Рабец А.М. Соотношение гражданско-правового положения несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах (проблемы теории и практики) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 241–246.
14. Чаплыгина С.М. Правовое положение индивидуального предпринимателя : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 118 с.
15. Чепцов А.С. Субсидиарная ответственность законных представителей несовершеннолетних // Юрист. 2009. № 7. С. 24–37.
16. Богданов Е.В. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6.
17. Шепель Т.В. Деликт и психическое расстройство (цивилистический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2006. 349 с.
18. Темникова Н.А. Изменение правового положения недееспособных и ограниченно дееспособных лиц в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (36). С. 81–84.
19. Лозовская С.О. Правосубъектность лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 139–146.
20. Рябинин Н.А., Казанцева К.Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53–60.

References

1. Nevzgodina, E.L. (2007) *Predstavitel'stvo (grazhdansko-pravovoy aspekt)* [Representation (civil law aspect)]. Moscow: [s.n.].
2. Tarasova, A.E. (2008) *Pravosub"ektnost' grazhdan. Osobennosti pravosub"ektnosti nesovershennoletnikh, ikh proyavleniya v grazhdanskikh pravootnosheniakh* [Legal capacity of citizens. Features of the legal capacity of minors, their manifestations in civil legal relations]. Moscow: Volters Kluver.
3. Supreme Court of the Russian Federation. (2017) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 22 “O nekotorykh voprosakh rassmotreniya sudami sporov po oplate kommunal'nykh uslug i zhilogo pomeshcheniya, zaniamaemogo grazhdanami v mnogokvartirnom dome po dogовору sotsial'nogo nayma ili prinadlezhashchem im na prave sobstvennosti” [Resolution No. 22 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2017, “On certain issues of consideration by the courts of disputes on payment for utilities and residential premises occupied by citizens in an apartment building under a social tenancy agreement or owned by them”]. *Byulleten' VS RF*. 8.
4. Russian Federation. (2023) *Reshenie Arbitrazhnogo suda Irkutskoy oblasti ot 5 aprelya 2023 g. po delu № A19-20963/2022* [Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated April 5, 2023, in case No. A19-20963/2022]. [Online] Available from: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%E2%84%96+%D0%9019-20963%2F2022+&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=1026&arbitral-court=&arbitral-judge=#searchResult

5. *Usynovite.ru*. [Online] Available from: <https://www.usynovite.ru/experience/case/9/>
6. Supreme Court of the Republic of Karelia. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo suda Respubliki Kareliya ot 21.12.2016 po delu № 44G-52/2016* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated December 21, 2016, in case No. 44G-52/2016]. [Online] Available from: <https://sudrf.cntd.ru/document/443812679>
7. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon ot 24.04.2008 № 48-FZ "Ob opeke i popechitel'stve" (v red. of 08.08.2024 № 232-FZ) [Federal Law No. 48-FZ of April 24, 2008, "On Guardianship and Trusteeship" (as amended No. 232-FZ on August 8, 2024)]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 17. Art. 1755.
8. Ministry of Labor and Social Development of the Murmansk Region. (2019) *Reshenie Leninskogo rayonnogo suda g. Murmanskogo ot 26 fevralya 2019 goda* [Decision of the Leninsky District Court of Murmansk dated February 26, 2019]. [Online] Available from: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/opeka-i-popechitelstvo-v-otnoshenii-sovershennoletnikh-grazhdan/rezuljaty-deyatelnosti/sudpraktika.php>
9. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Opredelenie VS RF № 45-KG 20-20-K7* [Definition No. 45-KG 20-20-K7 of the Supreme Court of the Russian Federation]. Yuridicheskie tonkosti (TG channel).
10. Situdkova, L.B. & Starodumova, S.Yu. (2016) Imushchestvennaya otvetstvennost' opeku-nov i nedeesposobnykh lits [Property liability of guardians and incapacitated persons]. *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki"*. 2(22). pp. 64–71.
11. Tatarintseva, E.A. (2015) Dogovor ob osushchestvlenii opeki (popechitel'stva) kak osnovanie vozniknoveniya pravootnosheniy po vospitaniyu rebenka v sem'ye [Guardianship (Custody) Agreement as a Basis for the Emergence of Legal Relationships for Raising a Child in the Family]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*. 3. pp. 21–25.
12. Supreme Court of the Russian Federation. (1997) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17.01.1997 № 2 O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiyiskoy Federatsii ot 29 sentyabrya 1994 g. № 7 O praktike rassmotreniya sudami del o zashchite prav potrebitely (s izmeneniyami, vnesennymi Postanovleniyami Plenuma ot 25 aprelya 1995 g. № 6 i ot 25 oktyabrya 1996 g. № 10). Utratilo silu* [Resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 17, 1997, On Amendments and Supplements to Resolution No. 7 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 1994, On the Practice of Considering Cases on the Protection of Consumer Rights by Courts (as amended by Resolutions No. 6 of the Plenum of 25 April 1995 and No. 10 of 25 October 1996). No longer in effect]. [Online] Available from: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=11205&page=6>
13. Rabets, A.M. (2017) Sootnoshenie grazhdansko-pravogo polozheniya nesovershennoletnikh i ikh zakonnykh predstaviteley v dogovornykh i deliktnykh obyazatel'stvakh (problemy teorii i praktiki) [The relationship between the civil status of minors and their legal representatives in contractual and tortious obligations (problems of theory and practice)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 424. pp. 241–246.
14. Chaplygina, S.M. (1997) *Pravovoe polozhenie individual'nogo predprinimatelya* [Legal status of an individual entrepreneur]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Cheptsov, A.S. (2009) Subsidiarnaya otvetstvennost' zakonnykh predstaviteley nesovershennoletnikh [Subsidiary liability of legal representatives of minors]. *Yurist*. 7. pp. 24–37.
16. Bogdanov, E.V. (2013) *Pravovoe polozhenie grazhdan, ogranicchennykh v deesposobnosti vsledstvie psichicheskogo rasstroystva* [Legal status of citizens with limited legal capacity due to mental disorder]. *Advokat*. 6.
17. Shepel, T.V. (2006) *Delikt i psichicheskoe rasstroystvo (tsivilisticheskiy aspekt)* [Tort and mental disorder (civilistic aspect)]. Kemerovo: [s.n.]
18. Temnikova, N.A. (2013) *Izmenenie pravovogo polozheniya nedeesposobnykh i ogranicchennykh deesposobnykh lits v rossiyskom grazhdanskom prave* [Changes in the legal status of

incapacitated and partially incapacitated persons in Russian civil law]. *Vestnik Omskogo un-ta*. 3(36). pp. 81–84.

19. Lozovskaya, S.O. (2023) Legal personality of persons recognized as incapacitated and with limited legal capacity due to a mental disorder. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5(105). pp. 139–146. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.139-146

20. Ryabinin, N.A. & Kazantseva, K.Yu. (2017) Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reguli-ryushchego pravovoy status litsa, ogranicennogo v deesposobnosti [Improving the legislation regulating the legal status of a person with limited legal capacity]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 53–60.

Информация об авторе:

Шепель Т.В., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гражданскоправовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Новокузнецк, Россия). E-mail: tomaser@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Shepel, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail:tomaser@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*